

УСЛОВИЯ СОЛИДАРНОСТИ ЭЛИТ И ВНЕЭЛИТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ¹

Филиппов Сергей Иванович,

кандидат философских наук,

заместитель директора по общим вопросам

Гуманитарного института Национального исследовательского

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

ORCID: 0000-0001-9076-7173

filippow07@yandex.ru

Аннотация

Исследование посвящено выявлению условий солидарности элит и внеэлитных социальных групп постреволюционных государств на западе бывшей Российской империи (1917–1920 гг). Для относительно высокого уровня исследуемого феномена характерны отсутствие крупномасштабных гражданских конфликтов, создание независимого государства, внешняя экспансия. Показателями относительно низкого уровня солидарности элит и народа являются широкомасштабные гражданские конфликты (гражданские войны), потеря государственной независимости.

Анализ проводится путем сопоставления двух контрастных случаев – польской шляхты и немецко-балтийского дворянства в контексте их взаимодействий с местным населением, государственной властью и имперским центром в период с XVI и до начала XX в. Выбор обусловлен сходством по некоторым существенным признакам: интенсивное взаимодействие обеих элитных групп друг с другом в рассматриваемый исторический период, сходная историческая динамика их государств (независимость – территориальные потери – утрата независимости). В то же время обе элитные группы кардинально различаются по исследуемому параметру – солидарности с местным населением: высокая – у поляков, низкая – между балтийскими (остзейскими) немцами, с одной стороны, латышами и эстонцами – с другой.

Теоретической основой исследования являются теория культурного сходства, структурно-демографическая теория и геополитический подход. В качестве основного метода используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

Выявлено, что Русская революция и свержение самодержавия в 1917 г. легитимировали социальные группы (в том числе элиты), оппозиционные царской власти и/или являвшиеся объектами репрессивных (депривационных) мер со стороны центрального правительства, и делегитимировали лояльные «старому режиму» социальные группы. Причиной относительно высокой солидарности между польской элитой и местным польским населением стала ее «революционность», обусловленная стратегиями социализации (участие в местных патрон-клиентских сетях), сложившимися в условиях относительно слабой государственной власти, а также политикой депривации в отношении безземельной шляхты со стороны царского правительства, вызванной многочисленностью польской элиты.

Высокая степень лояльности балтийских немцев имперскому правительству, обусловленная стратегиями их социализации, ориентированными на служебную карьеру за пределами региона проживания, идентификация остзейцев со «старым режимом», делегитимизированным революцией, объясняют относительно низкий уровень солидарности данной элитной группы и местного населения.

Ключевые слова: солидарность, элиты, внеэлитные социальные группы, Русская революция, макроисторический подход, независимость, польская шляхта, остзейские немцы.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиттов С.П. Условия солидарности элит и внеэлитных групп населения // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 57–69. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69.

Проблематика, связанная с солидарностью различных социальных групп в рамках одного общества, в том числе элит и внеэлитных групп населения, волнует человечество с библейских времен. Многочисленные объяснения высокого или низкого уровня солидарности элит и народа можно разделить на несколько групп.

Одно из самых распространенных объяснений солидарности между различными социальными группами (и популярное средство ее достижения) – культурное сходство между ними: общие язык, религия, системы ценностей [20, с. 86].

С точки зрения структурно-демографической теории степень солидарность элит и народа зависит от демографических процессов внутри элиты. Рост численности данной социальной группы (при условии высокой степени внутриэлитной солидарности) ведет к увеличению эксплуатации населения, что служит причиной социальных конфликтов [Там же, с. 70–94].

Наконец, в рамках геополитического подхода и в соответствии с пониманием государства как института, монополизированного легитимный контроль над территорией [5, с. 645–646], высокая или низкая степень легитимности правящих режимов и элит, степень единения «власти» и народа

объясняется внешнеполитическими успехами или, соответственно, провалами правительства [12, 17].

Представляется, что данные подходы не являются альтернативными (взаимоисключающими), и задача настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить условия солидарности между элитами и местным населением в периоды революции, используя эвристический потенциал перечисленных теорий. В качестве основного метода исследований используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов.

Одними из наиболее признанных показателей солидарности между элитами и народом являются внешнеполитические успехи и внутриполитическая стабильность государства [9, с. 193–194; 20, с. 79]. Русская революция и Гражданская война дают богатый материал для исследований интересующего нас явления: события Февраля и Октября 1917 г. послужили импульсом к созданию национальных автономий и независимых государств на территории бывшей Российской империи. Не все национально-государственные проекты оказались удачными: если Польша получила и отстояла свою независимость без значительных внутренних конфликтов, то обретенная было независимость Украины и стран Закавказья была утрачена, государственный проект остзейских немцев – герцогство Балтийское – также потерпел неудачу. Другими словами, для относительно высокого уровня солидарности элит и внеэлитных групп характерны отсутствие крупномасштабных гражданских конфликтов, создание независимого государства, внешняя экспансия. Показателями относительно низкого уровня исследуемого явления являются широкомасштабные гражданские конфликты (Гражданская война), потеря государственной независимости.

Исследование проводилось путем сравнительного анализа двух элитных групп – польской шляхты и немецко-балтийского дворянства в контексте их взаимодействий с местным населением, государственной властью и имперским центром в период с XVI и до начала XX в. Данные случаи являются сходными по некоторым существенным признакам: обе элиты интенсивно взаимодействовали друг с другом в рассматриваемый исторический период, их государства переживали сходную историческую динамику (первоначальная независимость сменяется территориальными потерями и утратой государственности). В то же время они кардинальным образом отличаются по исследуемому параметру – солидарности с местным населением (высокая у поляков, низкая – между балтийскими (остзейскими) немцами, с одной стороны, латышами и эстонцами – с другой).

Прежде всего сопоставим обе элиты с точки зрения их культурного сходства с местным населением. Население обоих регионов (Польша и Прибалтика) и их элиты (остзейцы и шляхта) исповедовали одну религию

(соответственно католицизм и лютеранство). При этом обе элиты противопоставляли себя местному населению в социоэтническом аспекте: остзейское дворянство как «немцы» – по отношению к эстонцам и латышам, шляхта воспринимала себя в качестве «сарматов» [13]. Как в Западном крае, так и в остзейских губерниях Российской империи во второй половине XIX в. проводилась активная политика ограничения религиозно-культурного влияния местных элит (в Западном крае, например, использование польского языка было запрещено даже в сфере повседневной коммуникации [14, с. 81]). Обе элиты воспитывают местное население соответственно в польско-католическом и лютеранском духе, развивая народное образование (шляхта – извлекая уроки из неудач 1830–1831 гг. и 1863 г., одной из причин которых было отсутствие поддержки восставших местными крестьянами; остзейцы – препятствуя переходу десятков тысяч эстонцев и латышей в православие в 1840-е гг. и в более позднее время [6, с. 295–307]).

Несмотря на сходную динамику взаимоотношений с местным населением, восприятие поляками и прибалтийскими народами собственных элит существенно различалось. Поляки ощущали себя одной нацией, хотя «Вторая Речь Посполитая» была создана из частей, полтора столетия существовавших в рамках трех разных государств и к 1918 г. существенно отличающихся друг от друга в культурном и социально-экономическом аспектах [19, с. 298–303]. Эстонцы и латыши видели в остзейцах даже не чужаков, а, скорее, врагов: в период Революции 1905–1907 гг. в Прибалтике разразилась настоящая гражданская война, линия фронта которой проходила по этническому принципу (местное население против немцев) [10, с. 243–245]; в начале Первой мировой войны в регионе вспыхнула беспрецедентная эпидемия шпиономании, объектом которой стало местное немецкое население [1, с. 88–90]. После провозглашения независимости Латвии и Эстонии, что преподносилось как восстановление государственности, утраченной более 700 лет назад по вине немецких колонизаторов, образ остзейских немцев как «исторического врага» был институализирован на государственном уровне, например, в виде празднования с 1934 г. Дня победы эстонских и латвийских вооруженных сил над прибалтийским ландесвером [4, с. 232]. Такая дистанция между прибалтийскими народами и элитами по параметру «свой–чужой» также требует объяснения.

Геополитическим условием, легитимирующим создание новых государств в 1917–1921 гг. и определяющим престиж их элит, стала Русская революция, приведшая к свержению самодержавия и выступившая катализатором национально-освободительных движений на территории бывшей Российской империи. Престиж элит, поддерживающих свергнутый режим, падает (низкая легитимность царского правительства была обу-

словлена продолжительной войной и военными неудачами), в то время как престиж оппозиционных «старому режиму» социальных групп, напротив, возрастает. Кроме того, престиж национальных правительств Польши и Эстонии укрепили военные победы – успешное контрнаступление польской армии в августе 1920 г. на подступах к Варшаве: «чудо на Висле», ставшее переломным событием Советско-Польской войны, и поражение, нанесенное эстонцами и латышами остзейскому ландесверу в 1919 г.

Остановимся на степени оппозиционности обеих элит как условии их общественного престижа в революционное время. Остзейцы относились к числу наиболее лояльных трону элит Российской империи и были широко представлены в ее военной и гражданской администрации, особенно на высоких должностях (в 1867–1868 гг. среди генералов на долю протестантов приходилось не менее 27 %, в 1903 г. – 15 %, при том что доля остзейцев в населении империи составляла 1,4 % [15, с. 33; 2, с. 295]. Очень яркую характеристику отношения остзейцев к местному населению дал А.И. Герцен: «Полнейшее равнодушие к участи тех, которыми они управляют, глубочайшее презрение к народу, совершенное незнание национального характера объясняет, почему народ ненавидит немцев и почему правительство так любит их» [7, с. 57].

Поляки, в отличие от остзейцев, были оппозиционно настроены к имперской власти. Во второй половине XIX в. среди революционеров Российской империи поляки доминировали по сравнению с представителями других нерусских национальностей. При этом польское революционное движение имело свои особенности: социалистическое движение было тесно связано с национальным и религиозным, а национально-освободительная борьба имела первостепенное значение (программы двух наиболее влиятельных партий Царства Польского – Польской социалистической и Национальной демократической – предусматривали создание независимого государства в союзе с католической церковью, «цементирующей нацию», как необходимое условие социальных преобразований [16, с. 28–29]. Данная специфика объясняется тем, что польские революционеры второй половины XIX – начала XX в. воспринимались как прямые продолжатели «шляхетского дела». Героический образ польского дворянина, отчаянного патриота и борца «за вашу и нашу свободу» в XIX в. как в России, так и за границей вызывал восторг представителей революционной общественности. Так, А.И. Герцен в дни Январского восстания 1863 г. с сочувствием отзывался о «польском Лаокооне», отчаянно сражавшемся с «петербургским чудовищем» [7, с. 39].

Но как объяснить восприятие идеалов шляхты широкими слоями польского населения? Ведь восстания 1831 и 1863 гг. имели преимущественно шляхетский характер и шли без участия широких народных масс,

что, кстати, вполне объяснимо: часть знаменитого лозунга – «за вашу свободу» – не распространялась на крестьян, положение которых в Польше было одним из самых тяжелых в Европе (продолжительность барщины составляла шесть дней в неделю), благодаря чему Речь Посполитая заслужила наименование «крестьянского ада» [21, с. 279–327], т. е. бесправие крестьян стало следствием шляхетской свободы.

Для ответа на этот вопрос рассмотрим социальные процессы внутри польской элиты на протяжении XIX в. Для Речи Посполитой – Царства Польского – была характерна высокая доля элиты в общем составе населения: 5...10 % по отношению к общему населению, 20 % – по отношению к польскому населению. Для сравнения: в царской России дворяне составляли около 1,5...3 % населения, в Англии – 0,5 %, во Франции – 1,5 % [8, с. 33]. Согласно структурно-демографической теории высокая доля (перепроизводство) элит ведет к сокращению налоговой базы государства (благородные, как правило, освобождены от податей), усилению эксплуатации народа, росту конкуренции за достойные должности и социальные позиции, что в конечном счете подрывает устойчивость государства.

Ответом на «польский вызов» со стороны царского правительства стали ограничительные меры по отношению к шляхте. Сразу после первого раздела Польши в 1772 г. начинается регистрация шляхты, для чего требовалось представить детальную генеалогию, описание герба, выписки из метрик [18, с. 115–116]. Безземельные дворяне, а их насчитывалось до 40 % всей шляхты, к 1831 г. переводятся в податные сословия [10, с. 130]. В 60-е гг. XIX в., с упразднением сословия однодворцев, куда записывалась чиншевая шляхта (арендаторы, а не собственники земли), деклассированная шляхта юридически приравнивается к крестьянам, что катастрофическим образом сказывается на социально-экономическом положении данной группы, поскольку это позволяло земельным собственникам пересматривать условия долгосрочной аренды земли в сторону многократного увеличения платы. Многочисленные неплатежеспособные арендаторы из чиншевой шляхты по инициативе «панов» (и средствами царской армии и полиции) просто изгонялись со своих наделов, их семьи оказались в условиях крайней нужды [3, с. 700–705]. Складывается многочисленная категория лиц, сознающих свое благородное происхождение и обладающих относительно высокой культурой (дети безземельной шляхты получали образование), но лишенных достойного социального статуса. Эти люди стали социальной базой революции, что понимали и представители власти. Генерал-губернатор Юго-Западного края А.П. Безак писал: «Бывшая шляхта представляет собой самый вредный и недовольный элемент края, который был и остается готовым материалом для всякого революционного движения» (цит. по [3, с. 709]).

Но ограничительная политика применялась имперским правительством в отношении практически всех национальных элит. Образцом послужил метод, используемый в Остзейском крае: имматрикуляция – внесение в списки дворянских родов на основании документального подтверждения благородного происхождения. В Курляндии, Эстляндии и Лифляндии процедуры подтверждения дворянского статуса проходили с XVII по середину XVIII в., при этом их инициаторами были сами рыцари, пытающиеся таким образом ограничить количество дворян: далеко не все семьи успели или смогли предоставить необходимые свидетельства и оказались за пределами привилегированного сословия [11, с. 51–70]. Возникает вопрос: почему в Царстве Польском и Западном крае ограничительные меры в отношении дворянства вызывают острое недовольство, которое выливается в открытое сопротивление царской власти (восстания 1830–1831 гг. и 1863 г.), а в Остзейском крае этого не происходит? Кроме того, если развитие революционного движения среди поляков в конце XIX – начале XX в. было вызвано активной депривационной политикой по отношению к безземельной шляхте со стороны центральной власти, как объяснить «революционность» шляхты в предшествующие исторические периоды? Может быть, всё дело в знаменитом «шляхетском гоноре» – обостренном чувстве чести и собственного достоинства, нежелании подчиняться и готовности взяться за оружие по малейшему поводу, особенно если есть угроза «шляхетской вольности»? Но возникновение данного комплекса устойчивых образцов сознания и поведения элиты Речи Посполитой тоже требует объяснения.

«Шляхетский гонор» складывается в условиях эгалитаризма, отсутствия формальных различий, высокой внутрисословной сплоченности (как правило, в форме патронажных сетей, центрированных на наиболее влиятельных магнатских родах) и фактического отсутствия монополии на насилие, т. е. в условиях слабой государственной власти. Слабость государственной власти в Речи Посполитой и эмансипация шляхты объясняется, в свою очередь, геополитической ситуацией на юго-востоке Европы в эпоху раннего Нового времени: задача приобретения новых плодородных земель на Украине на фоне ослабления осколков Орды была решена без участия центральной власти и без многочисленной регулярной армии. Значительную роль сыграла заимствованная у чешских таборитов тактика «военного поезда» – способ колонизации, позднее успешно используемый при освоении «Дикого Запада» в Америке [22, с. 238]. В Польше не сложился сильный королевский двор, королевская армия была слаба и малочисленна. Таким образом, не было институциональных условий вертикальной социальной мобильности шляхты и превращения ее в служилое сословие. Благополучие шляхтичей зависело прежде всего от ближайшего окружения.

Отсутствие монополии на насилие в условиях многочисленности и социокультурной неоднородности шляхты, в которую активно инкорпорировались представители самых разных социальных, этнических и конфессиональных групп (белорусская знать, ряд немецких, татарских, великорусских, еврейских родов [18, с. 113]), стало фактором, поддерживающим высокий уровень конфликтности. Благородному шляхтичу приходилось рассчитывать лишь на самого себя, своего покровителя и/или клиента, демонстрируя агрессивность, готовность в любой момент взяться за оружие, чтобы защитить свою честь и поддержать репутацию. Отсюда воинственность шляхты и высокая степень ситуативно-тактической внутрисословной солидарности, превосходно изображенной А. Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш». Кроме того, дефицит таких государственных функций, как фискальная и медиационная, стал условием чрезвычайно высоких норм эксплуатации крестьян и обогащения польско-литовской элиты: обязательные работы на пана составляли шесть дней в неделю, с 1600 по 1750 г. доходы магнатов возросли втрое, остальной шляхты – вдвое [21, с. 282]. Эти доходы позволяли магнатам содержать огромные частные армии, основу которых составляла безземельная шляхта. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что шляхетская революционность и вольнолюбие есть противостояние укреплению государства как института, обладающего монополией на насилие².

Анализ (гео)политической динамики в регионах проживания остзейцев, начиная с позднего Средневековья и раннего Нового времени, позволяет объяснить относительно высокую лояльность престолу данной социальной группы и отчуждение между остзейцами и местным населением. Институты местного самоуправления в Лифляндии и Эстляндии, а также государственные институты герцогства Курляндии были относительно немногочисленны. Геополитическая экспансия Тевтонского ордена прекратилась в начале XV в., а в XVI в. он распадается. Перешедшие в протестантизм «братья», не являясь более монахами, стали вступать в законный брак, у них появляется законное потомство, что в условиях ограниченных ресур-

² Следует отметить, что даже самые устойчивые ценности и поведенческие нормы шляхты менялись под воздействием социально-политических обстоятельств, что подтверждает гипотезу о зависимости образцов сознания и поведения элит от (гео)политических процессов. Знаменитая шляхетская солидарность угасает в 1840–1850-е гг., что проявляется в отсутствии протестов со стороны польских помещиков против депривации безземельной шляхты царским правительством [3, с. 694–696], и полностью исчезает в конце XIX в., когда чиншевики-арендаторы сгонялись «шанами» с земли при поддержке царской полиции и армии. Традиционно безземельная шляхта составляла основу частных армий магнатов и защищала их политические интересы на разного рода сеймах и сеймиках, но после разделов Польши и постепенной интеграции частей бывшей Речи Посполитой в Россию, Пруссию и Австрию существование частных армий стало невозможным. Изменилась и структура управления; как следствие, судьба многочисленных чиншевиков перестала заботить «панов».

сов (поместий) приводит к напряжению внутри элиты. Тем не менее рыцарство успешно приспосабливается к изменившимся условиям, ориентируясь в выборе жизненных стратегий на военную или гражданскую службу при дворе, в армии и государственном аппарате соседних (и не только) стран (Швеция, Пруссия, Россия, Австрия, Османская империя), культивируя качества, обеспечивающие конкурентные преимущества на международных военно-бюрократических рынках. Ориентация на служебную карьеру за пределами Остзейского края также усиливала отчужденность между «немцами» и коренным населением.

Итак, уровень солидарности между элитами и местным населением определяется взаимодействием геополитических, политических, социальных и культурных процессов. Русская революция и свержение самодержавия в 1917 г. легитимировали социальные группы (в том числе элиты), оппозиционные царской власти и/или являвшиеся объектами репрессивных (депривационных) мер со стороны центрального правительства, и делегитимировали социальные группы, лояльные «старому режиму». Причиной относительно высокой солидарности между польской элитой и местным польским населением стала «революционность» шляхты. Она была обусловлена стратегиями социализации, ориентированными на локальные сообщества (участие в местных патрон-клиентских сетях), сложившиеся в условиях относительно слабой государственной власти, а также политической депривации в отношении безземельной шляхты со стороны царского правительства.

Высокая степень лояльности балтийских немцев имперскому правительству, обусловленная стратегиями их социализации, ориентированными на служебную карьеру за пределами региона проживания, и идентификация остзейцев со «старым режимом», делегитимированным революцией, объясняют относительно низкий уровень солидарности данной элитной группы и местного населения.

Литература

1. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2004. – 394 с.
2. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. – М.: НЛО, 2004. – 352 с.
3. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). – М.: НЛО, 2011. – 1008 с.
4. *Брюггеманн К.* Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934–1939 годы // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 3 (101). – С. 232–249.

5. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Воробьева А.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. – М.: ФИВ, 2013. – 536 с.
7. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 17. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 541 с.
8. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир: наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 382 с.
9. Ибн Халдуна. Введение (ал-Мукаддима) // Историко-философский ежегодник. – 2007. – С. 187–216.
10. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М.: Традиция, 2000. – 344 с.
11. Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе, конец XVIII – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2000. – 296 с.
12. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск, 2000. – Вып. 1. – С. 234–278.
13. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. – 178 с.
14. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. – М.: ИЛО, 2006. – 248 с.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
16. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв.ред. А.Ф. Носков. – М.: Индрик, 2012. – 952 с.
17. Розов Н.С. Колея и перевал. – М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
18. Селицкий А.И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы Международной научной конференции, Краснодар, 10–11 июля 2002 г. – Краснодар, 2003. – С. 113–116.
19. Травин Д., Марганя О. Европейская модернизация. Кн. 2. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 576 с.
20. Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. – М.: АКИ, 2007. – 368 с.
21. Anderson P. Lineages of the absolutist state. – London: N.L.B, 1974. – 573 p.
22. Davies N. Vanished kingdoms: the rise and fall of states and nations. – London: Penguin Books, 2012. – 848 p.

Статья поступила в редакцию 09.10.2017 г.

Статья прошла рецензирование 11.11.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69

CONDITIONS OF THE SOLIDARITY BETWEEN ELITES AND NON-ELITE GROUPS

Filippov Sergey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Deputy Director for General issues, Institute for the Humanities

of Novosibirsk National Research State University,

1, Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9076-7173

filippow07@yandex.ru

Abstract

The article deals with investigating into conditions of the solidarity between elites and nonelite groups of post-revolutionary states in the western part of the former Russian empire (1917–1920). A high level of the solidarity is shown through geopolitical successes (efficient defending and/or conquering) and internal stability of a state. The indicators of a low level of the solidarity are large scale civil conflicts (civil wars) leading to the loss of state independence.

The analysis is based on comparing two contrastive cases – the Polish Szlachta and the Baltic-German nobility in their interactions with the Imperial government as well as local population in the period from the 17th to beginning of the 20th century. Both elites are similar regarding some important aspects such as an intensive interaction with each other and the historical dynamics of their states (independence – losing territories – the lost of independence). Nevertheless, both elite groups differ in the level of the solidarity with the local nonelit population which was relatively high among the Poles and relatively low between the Baltic-Germans on the one hand and the Estonians as well as the Latvians on the other hand. As theoretical basis are applied such approaches as the theory of cultural similarity, the geopolitical approach and structural-demographic theory. As main research method is used the macro-historical approach that allows to provide an explanation of historical phenomena through the synthesis of different theoretical approaches as well as levels of analysis.

The analysis has shown that the Russian revolution and the overthrow of the monarchy in 1917 in Russia legitimized social groups including elites that had been opposed to the Tsarist government and delegitimized social groups that had remained loyal to the “old regime”. “Revolutionary” attitude and image of the Polish elite (Szlachta) was a source of a high level of national solidarity among the Polish people. “Revolutionary” attitude and image of the Polish elite as the base of the solidarity among the Poles results from the strategies of elites socialization oriented on local patron-client networks that were established under conditions of a weak state power in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Besides, the opposition character of the Szlachta was conditioned on social deprivation measures of the Imperial government caused by a large number of the Polish elite.

A high loyalty of the Baltic-Germans to the Imperial government was a condition of a low level of the solidarity and was due to the strategies of elites

socialization oriented on a career in the military or civil service outside the Baltic provinces.

Keywords: solidarity, elites and non-elite social groups, Russian revolution, macrohistorical approach, independence, the Polish gentry, the Ostsee Germans

Bibliographic description for citation:

Filippov S.I. Conditions of the solidarity between elites and non-elite groups. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 57–69. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69. (In Russian).

References

1. Bakhturina A.Yu. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 394 p.
2. Becker S. *Nobility and privilege in late imperial Russia*. DeKalb, Ill., Northern Illinois University Press, 1985 (Russ. ed.: Bekker S. *Mif o russkom dvoryanstve: dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoi Rossii*. Moscow, NLO Publ., 2004. 352 p.).
3. Beavuois D. *Gordiev uzél Rossiiskoi imperii: vlast', sblyakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793–1914)* [Gordian knot of the Russian Empire. Power, the gentry and people in the Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow, NLO Publ., 2011. 1008 p. (In Russian).
4. Bryuggemann K. Sozdanie proshlogo v usloviyakh avtoritarizma: prazdnovanie Dnya pobedy v Estonii v 1934–1939 gody [The creation of the past under authoritarianism: the celebration of the Victory Day in Estonia in 1934–1939]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture – Debates on politics and culture*, 2015, no. 3 (101), pp. 232–249.
5. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian).
6. Vorob'eva L.M. *Pribaltika na razlomakh mezhdunarodnogo sopernichestva. Ot nashestviya krestonostsev do Tartuskogo mira 1920 g.* [Baltic States on the rifts of international rivalry. From the invasion of the Crusaders to the Tartu Peace of 1920]. Moscow, FIV Publ., 2013. 536 p.
7. Gertsen A.I. *Sobranie sochinenii*. V 30 t. T. 17 [Collected works. In 30 vol. Vol. 17]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. 541 p.
8. Derlug'yan G.M. *Kak ustroen etot mir: nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works. Outline on macrosociological themes]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2013. 382 p.
9. Ibn Khaldun. Vvedeniye (al-Mukaddima) [Introduction (al-Mukaddima)]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik – History of Philosophy Yearbook*, 2007, pp. 187–216.
10. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia – a multinational Empire]. Moscow, Traditsiya Publ., 2000. 344 p. (In Russian).
11. Katin-Yartsev M.Yu. *Baltiisko-nemetskoe dvoryanstvo na rossiiskoi sluzhbe, konets XVIII – nachalo XX v.* Diss. kand. ist. nauk [The Baltic-German nobility in the Russian

service, the end of XVIII – beginning of XX century. PhD in History diss.]. Moscow, 2000. 296 p.

12. Kollinz R. Predskazanie v makrosotsiologii: sluchai Sovetskogo kollapsa [The prediction in macrosociology: the case of the Soviet collapse]. *Vremya mira* [The time of the world]. Ed. by N.S. Rozov. Novosibirsk, 2000, vol. 1, pp. 234–278.

13. Leskinen M.V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi* [Myths and images of the Sarmatism. The origins of the national ideology of the Polish Lithuanian Commonwealth]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2002. 178 p.

14. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and nationalism]. Moscow, NLO Publ., 2006. 248 p.

15. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. T. 1 [Social history of the Russian Empire (XVIII–beginning of XX century)]. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 548 p.

16. Noskov A.F., ed. *Pol'sha v XX veke: ocherki politicheskoi istorii* [Poland in the twentieth century. Essays on the political history]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 952 p.

17. Rozov N.S. *Koleya i pereval* [Track and crossing]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 735 p.

18. Selitskii A.I. [The Polish nobility in the socio-legal system of the Russian Empire]. *Polyaki v Rossii: XVII–XX vv.: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Poles in Russia: XVII–XX centuries: proceedings of International scientific conference], Krasnodar, July 10–11, 2002). Krasnodar, 2003, pp. 113–116. (In Russian).

19. Travin D., Marganiya O. *Evropeiskaya modernizatsiya*. Kn. 2 [European modernization. Bk. 2]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2004. 576 p.

20. Turchin P.V. *Istoricheskaya dinamika: na puti k teoreticheskoi istorii* [Historical dynamics. Why States rise and fall]. Moscow, LKI Publ., 2007. 368 p. (In Russian).

21. Anderson P. *Lineages of the absolutist state*. London, N.L.B, 1974. 573 p.

22. Davies N. *Vanished kingdoms: the rise and fall of states and nations*. London, Penguin Books, 2012. 848 p.

The article was received on October 09, 2017.

The article was reviewed on November 11, 2017.